

Так постепенно происходила социальная деградация γεωργοί. Но кто извлекал пользу из этого? Сопровождалась ли деградация одних γεωργοί возвышением других, или этот процесс в той или иной мере затрагивал всех?

Ἡμισιατής, который обрабатывал пашню или виноградник другого γεωργός и должен был передать половину дохода собственнику, очевидно, нередко отказывался от соглашения¹⁹. Это было обременительно и для необедневшего γεωργός, так как он должен был обрабатывать дополнительно к своему участку и другой, к тому же если ἄπορος находился на чужбине и о его возвращении не было известно. Но для экономически более сильного γεωργός, который располагал достаточной рабочей силой (члены семьи, наемные работники или даже рабы) и который обрабатывал дополнительное поле, дополнительная доля в урожае означала, без сомнения, прибыль.

Более ясным является тот случай, когда отсутствующий крестьянин не уплачивает налога. Тогда он взимается с других членов общины, которые в свою очередь имеют притязания на его урожай. Таким образом, γεωργός, который в состоянии платить налог за соседа, может получить в дальнейшем вместе с урожаем постепенно также и право распоряжения его землей. С другой стороны, с переносом налога на общину разорение бедного γεωργός не прекращалось, а еще более ускорялось, так как прекращение уплаты налога было связано с потерей урожая. Ведь если он не был в состоянии уплатить налог, то как он мог после потери урожая снова вступить в свои права в будущем году?

Некоторой защитой он, разумеется, пользовался. В случае возвращения он мог претендовать если уже не на свой, то по меньшей мере на другой равноценный участок, так как тому, кто в это время обрабатывал землю, нельзя было причинить ущерб. Права человека, обрабатывавшего землю в сельской общине, были достаточно большими. Если дерево посажено на «неподеленной земле» (§ 32), а мельница построена на «общинной земле» (§ 81), то такая деятельность ни в коем случае не осуждалась, а скорее поощрялась, во всяком случае принималась во внимание. Это имело силу и тогда, если один γεωργός обрабатывал наряду со своим оставленный участок другого. Право на урожай имел не тот, кому принадлежал участок, а тот, кто его обрабатывал (§ 6); если кем-либо на чужом участке был посажен виноградник или построен дом, то они не могли быть уничтожены собственником, даже если тот не предложит ἀντιποία (§ 21)²⁰. Следовательно, решающим было право вложенного труда, а не формальное право собственности. Является также спорным положение о том, вступало ли в силу право на собственный участок и тогда, когда крестьянин отсутствовал в течение года, не платя налоги за свою землю. Срок, с истечением которого действие этого права прекращалось, правда, нигде не назван в «Земледельческом законе»²¹, но, без сомнения, после длительного отсутствия фактически это право терялось. Земельный участок, который не обрабатывался ни владельцем, ни кем-либо другим по его поручению — в ἤμισια или за плату, как πορτίτης, становился владением соседа при условии ухода за ним и уплаты за него налога. П. Лемерль предполагает, что такие оставленные участки земли — после определенного периода считающиеся до некоторой сте-

как кража скота в § 30, 41, 42, 44, которые определенно не называют пастуха или сторожа преступниками.) За исключением § 35, во всех названных статьях налагаются телесные наказания.

¹⁹ § 14: μεταμεληθεῖς; § 15: μὴ ισχύων.

²⁰ Ἀνάρχος — следовательно, даже не ожидая такого предложения, они не должны повреждать дома или изгороди. Судебная тяжба, упомянутая в § 80, относится, возможно, к такому делу о возвращении.

²¹ М. Я. Сюзюмов (указ. соч., с. 39) предполагает срок в 30 лет.